

- ¹¹ Филин Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка // Язык и общество. М., 1968. С. 14.
- ¹² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 11.
- ¹³ Щеглова Н. А. К вопросу о грамматических средствах терминологизации русских глаголов в профессиональной речи XVII—XVIII вв. // Учен. зап. МОПИ. Тр. каф. рус. яз., 1963. Т. 138, вып. 8. С. 89.
- ¹⁴ См. Лаптева О. А. Внутриязыковая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
- ¹⁵ См.: Кауфман С. И. Об именном характере технического стиля // Вопр. языкознания. 1961. № 5.
- ¹⁶ См.: Митрофанова О. Д. Отглагольные имена существительные в научных текстах. (К вопросу о «номинативном характере» научного стиля) // Филол. науки. 1973. № 5.
- ¹⁷ См.: Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИФЛИ, 1939. Т. 5.
- ¹⁸ См.: Давиденко В. П. Русская терминология. С. 66.
- ¹⁹ Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1969—1978. Далее—БСЭ.
- ²⁰ Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. Далее — ТСУ.
- ²¹ Технический словарь для работников тяжелой промышленности. М., 1939. Далее — ТС.
- ²² Словообразование современного русского литературного языка: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 72.

Э. В. КУЗНЕЦОВА

Уральский университет

Элементы языковой игры в драматургическом тексте

(по материалам пьес Г. Бокарева)

Как известно, роль фактора экспрессии в разговорной речи особенно велика. Именно в условиях непосредственного устного общения люди стремятся к максимальной выразительности речи, что и дает основания для трактовки устной речи как речи «живой». Не случайно все высказывания классиков русской литературы о живости, меткости, «бойкости» русского слова относятся именно к устной речи. Наглядным подтверждением огромной роли экспрессивных языковых средств в устной речи является также то обилие коннотативной лексики, с каким мы встречаемся в народных говорах, существующих, как известно, только в устной форме.

На современном этапе развития русского языка, когда он стал подлинно общенародным, когда исчезли те социальные характеристики, которые отличали когда-то устную речь образованных людей от языка рабочих и крестьян, лишенных образования, экспрессивные традиции живой народной речи, претерпев известные трансформации, получили широкое распространение в разговорной речи всех, кто владеет литературным языком. Одной из важных харак-

теристик современной устной речи является присутствие в ней юмора, иронии, самоиронии. «Шутить, иронизировать, стремиться вызвать улыбку или смех собеседника принято в непринужденной речи. Именно так проявляется установка на творчество, на эстетический эффект в РР»¹. Авторы монографии «Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест» объединяют разнообразные речевые явления, в которых реализуется такая установка, в общей категории языковой игры и посвящают рассмотрению соответствующих средств и приемов специальную главу².

В сфере языковой игры авторы разграничивают две основные стихии: во-первых, балагурство, проявляющееся главным образом в обыгрывании формальных особенностей языковых единиц, во-вторых, острословие, по преимуществу связанное с содержанием речи. В рамках описания балагурства и острословия систематизируются разнообразные приемы, которые в конкретной речи могут использоваться как сами по себе, так и в совмещении, когда они поддерживают друг друга в развитии общей темы языковой игры.

Поскольку наблюдения над проявлениями языковой игры в реальной разговорной речи — задача технически довольно сложная, мы обратились к текстам пьес Г. Бокарева³ — уральского драматурга, получившего широкую известность и признание. Что определило наш выбор?

Самым общим фактором является то, что текст драматургического произведения представляет собой творческую имитацию устной речи. Без сомнения, функции реплик в пьесах гораздо шире и специфичнее, чем функции реплик в обычном разговорном диалоге. Через реплики в драматургическом произведении осуществляется развитие сюжета, они же являются основным средством раскрытия образов персонажей: по тому, какова речь персонажа, мы судим об уровне его культуры, об отношении к людям, характере, чувствах. Художественная ценность драматургического текста во многом зависит от того, насколько автор сумел создать для каждого персонажа особую манеру речи. И все же это устная речь, которая должна сохранять, а подчас и концентрировать в себе все типичные особенности разговорной речи. Особенностью языка современных пьес является, по мнению Т. Г. Винокур, преобладание диалога над монологом, «более того, современные драматурги охотно стилизуют монологические высказывания под разговорную речь»⁴.

Характеризуя общий тон современных пьес, Т. Г. Винокур отмечает также, что в них «...острят, вернее, облачают свои реплики в язвительные саркастические сентенции, шуточные парадоксальные высказывания или в иронические афоризмы и т. д., — все. <...> Острят и в комедии, и в бытовой и производственной драме, и мелодраме»⁵. Следовательно, для нашей цели — выявления элементов языковой игры в драматургическом тексте — правомерно было бы обратиться к любой современной пьесе.

Мы выбрали Г. Бокарева как драматурга, связанного с Уралом не только лично-биографически, но — прежде всего — тематически.

В текстах его пьес имеются прямые указания на то, что действие происходит на Урале, что герои его пьес считают себя уральцами и так или иначе подчеркивают это. Мы надеялись встретить в текстах Г. Бокарева языковые средства, которые условно можно было бы назвать «урализмами». Но их оказалось очень мало: изредка встречаются они в речи рабочих, относящихся к старшему поколению, и используются как сигналы возраста и уровня культуры (А Прокофий **летось** еще помер; Стл). Иногда они используются как средства языковой игры в речи представителей рабочей интеллигенции, например: А ты ничего! **Матерый** стал (КН); «На тысячу прогонов ни одного сбоя». — «А вдруг она (АСУ — Э. К.) на тысячу первом **выпрыгнется?**» (Исп.).

Зато проявлений языковой игры, притом самых разнообразных, мы обнаружили великое множество. Нет, пожалуй, ни одного приема из описанных в указанной выше монографии, который бы не нашел своего отражения в текстах бокаревских пьес. Попробуем проиллюстрировать это, отметив сразу же, что среди выбранных материалов явное преимущество имеют разнообразные приемы острословия. Явления простого балагурства представлены довольно редко, например: Пивка **жаждуешь?** (Стл) или: Ты что, Вася? С **головизной** у тебя все в порядке? (Исп.).

Если балагурство проявляется в основном в игре формами слов, то острословие характеризуется тем, что «необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и более образной, экспрессивной передачей содержания»⁶.

Прием стиливого контраста как конкретное проявление острословия имеет в исследуемых текстах различные проявления. Это пародийное использование и штампов канцелярско-делового языка, и газетных клише, например: В очень близком и **светлом будущем** станем мы его величать по имени-отчеству (Стл); Какие же это женщины? Просто **члены коллектива** (Стл). В других случаях обыгрывается лексика книжного характера (высокая, устаревшая, даже терминологическая), например: Вот это и есть твой хваленый Урал. **Прародина**, значит (КН); А то бы он высоко взлетел! Можно сказать, **воспарил** (КН); Если дам план — всему цеху премия. А за вашу автоматику с электроникой — **ни гласа, ни дыхания** (Исп.); Так что береги свою **вегетативную нервную систему** (Исп.). Встречается использование в целях острословия просторечных слов, например: Коли так, то я в толстовцы пойду. Буду одни рисовые котлеты **трескаться** (Стл), а также обыгрывание иноязычных слов, не имеющих широкого распространения, ср.: Имею честь, сэр, пригласить вас на скромный **файф-о-клок** по случаю испытания гениальной системы (Исп.); Открыл глаза — а **стан** стоит! И на моталке — меньше половины! Одним словом — **бламанже!** (Исп.).

Встречаются в текстах примеры использования такого приема, как окказиональное словообразование: Ну, ты этакая **симпатю**. Одним словом, **очаровашечка** (Исп.); И если душонка у

тебя с гнильцой, то будь ты хоть **распроакадемиком**, а плавка у тебя такой же будет — с душком (Стл). Оказиональной, необычной может быть сочетаемость, в частности, существительных с прилагательными, рассчитанная на игровой эффект, ср.: Такая **комфортабельная** женщина (Исп); **Костюмчик** у тебя какой-то **нецензурный** (Исп.); Всю остальную жизнь я изображал **генштабистов** и людей из народа в **мундирных** и **ответственных** пьесах (Исп.).

Чаще всего необычный контекст (текстовый и ситуационный) является внешним сигналом переносных употреблений имен существительных, например: Ваня! Ты чего свой **корогаз** (бульдозер. — Э. К.) тут поставил? (Стл); Мы с тобой тут в цехе жили! А для них он — **отхожий промысел**! (Стл); И меня не остановят никакие философские упражнения здешних **Сократов** (Исп.). Очень много существительных употребляется в переносном смысле в качестве образных наименований-характеристик лиц (Арифмометр, хунта, ас, Иисусик, непротивленцы, ретрограды, Несмеяна, Печорин, Вольф Мессинг, Тень отца Гамлета). Много в репликах персонажей ярких сравнений, в которых также реализуются экспрессивные возможности живой современной речи, ср.: Ну и характер у тебя! **Чисто радикулит** (Стл); Я серьезен, **как учебник философии** (Исп.); В иную женщину **врезаться** — все равно что под **самосвал** попасть (Стл).

Особое место в речевой игре занимают **каламбуры**, в которых «высекание» семантической искры осуществляется в результате столкновения в одном контексте слов, сходных по форме, или лексико-семантических вариантов одного и того же слова, ср.: У нас, например, неплохие парни **меняют классовую** позицию на **кассовую** (КН); Так что не надо **благородных** поз, Сергей Петрович. Между позой и **позицией** нет ничего общего. А нам нужна **позиция**! (КН); Не **сытого** живота я им простить не могу, а души **сытой** (Стл). Интересен случай обыгрывания лингвистических терминов путем оживления их внутренней формы: А **престиж** в наше время — это не только приятное **существительное**, но и **весомое прилагательное**. Вроде контактов с зарубежными фирмами, **загранкомандировок**, **премий**, **званий** и пр. (КН).

Широко представлен в текстах **бокаревских** пьес прием **цитации** и как средство оживления речи. При этом, цитаты не столько передают содержание, которое объективно заключено в них, сколько служат фоном для того или иного актуального смысла. Цитируются: пословицы (**Закон выживаемости** — штука строгая: попал в стаю, лай не лай, а хвостом вилай. КН); песни (**Вам на все наплевать. На честь, на совесть. Нас не трогай — мы не тронем. А затронешь — спуску не дадим...** Слышали такую песню. Вот вы его и не даете. Стл); лозунги (**«НТР меня не трогает».** — **«Напрасно. Кто не с нами, тот против нас».** Исп.); фрагменты художественной литературы (**В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань! Так вот я — лань, а он — все остальное.** КН; **Я не Галилео**

Галилей и уж тем более не Джордано Бруно. Но взяток я не беру. Даже борзыми щенками. КН). В реальном контексте смысл цитаты всегда трансформирован с установкой на экспрессивный эффект. Встречаются и формальные трансформации цитат путем замены отдельных слов, например: Мы не можем ждать милости от начальства. Взять их у него — наша задача (Исп.).

Обычной принадлежностью разговорной речи являются фразеологизмы. Их употребление может сопровождаться формальными и смысловыми трансформациями, оживляющими внутреннюю форму фразеологизма или придающими ему особый образный смысл, что также является приемом языковой игры. Обыгрываться, приобретать образный смысл могут даже такие фразеологизмы, которые в узусе лишены коннотативной семантики, например: Вам тоже не мешает помнить, что вы всего-навсего секретарь. Хотя бы и очень ученый (КН); «А потом я все же близкая родственница!» — «А ты не можешь побыть дальней? Буквально полчаса?» (КН). Возможны трансформации структурно-синтаксические (Мой однокашник! Попробуйте только не полюбить и не пожаловать! КН) и лексические (Рудить, так рудить. В конце концов моя квартира с краю. Стл.).

Полный обзор всех приемов острословия, представленных в репликах персонажей пьес Г. Бокарева, занял бы слишком много места, поэтому мы выбираем для более подробного рассмотрения некоторые явления, связанные с глагольным словоупотреблением, в которых реализуются их возможности в сфере языковой игры. К таковым мы относим: а) каламбуры; б) не прямые глагольные номинации; в) приемы метонимической генерализации и конкретизации.

В основе всякого каламбура лежит столкновение слов, сходных по форме, или разных значений одного и того же слова, извлечение из их совмещения необычного смыслового эффекта. Степень смысловой нагруженности может быть различной: от безобидной игры словами до яркого сатирического приема, ср.: Любым намекам я предпочитаю правду в лицо. Независимо от важности упомянутого лица (КН); и — «Знакомая история: кому — Сервантес, кому — сервант». — «Выпад эффектный. Но вряд ли стоит противопоставлять Сервантесу сервант и наоборот». — «Я не противопоставляю. Но тебе не кажется, что Сервантес все больше проигрывает серванту? Ты не боишься, что человек когда-нибудь окажется посторонним на шабаше сервантов и прочих предметов потребления?» (Исп.).

Обратившись к глагольным материалам, мы находим, что драматург использует главным образом каламбуры, семантически нагруженные. Таковыми являются даже те, которые обычно относят к простой игре словами. Например, в репликах: «Победителей не судят». — «Судят. И даже сажают» (Исп.) — обыгрывается звуковое сходство слов. В следующих примерах: В чем же заключается руководящая роль администрации? В том, чтобы руководить. А это

совсем не то, что **за руку водить** (Стл); **Самостоятельным** тот называется, что **сам стоять** может. На своих ногах. Без подпорок (Стл) — используется прием оживления внутренней формы.

Наиболее распространенными являются каламбуры, в основе которых лежит столкновение в одном контексте разных значений одного и того же глагола, например: «Как вы относитесь к научнотехническому прогрессу?» — «Индифферентно. Он меня не **трогает**. Я его — **тоже**» (не трогаю) (Исп.); «Ты о диктатуре пролетариата слыхал?» — «Ну, слыхал. В школе **проходили**». — «Вот именно **проходили**. И все мимо» (Стл). Встречаются и такие случаи, когда в репликах диалога сталкиваются три разных смысловых реализации одного глагола, ср.: «А затем, сколько девочек там **пропадает**» (остаются без внимания). — «**Пропадают** (нравственно опускаются) плохие. Хорошая **не пропадет**» (сумеет за себя постоять) (Стл).

Каламбур может осуществиться и без повторения глагола, семантическое переключение создается путем смены типового контекста, например: Ударимся в жуткий загул! Напьемся... кофе и начнем гулять! Вокруг озера (КН). Иногда в диалоге обыгрываются разные значения нескольких глаголов, которые при этом не повторяются, но поддерживают друг друга в развитии темы языковой игры, ср.: «Что-то ты невеселый сегодня?» — «Ты тоже что-то не очень **светишься**». — «Иногда и **выключаться** полезно, а то **перегореть** можно» (Стл). Глаголы **выключиться** и **перегореть**, соотнесенные с переносным значением глагола **светиться**, сами становятся семантически двуплановыми.

Среди непрямых, окказиональных номинаций основное место принадлежит метафорическим словоупотреблениям. В отличие от каламбуров соответствующие прямые значения представлены в контексте глаголов, но они присутствуют в нашем сознании как фон, как языковая база, на которую проецируется необычное употребление глагола. Внешним сигналом необычности является контекст, ср.: На прошлой неделе у нас в бригаде такой же романтик **прорезался** (Стл); «С твоими шуточками, Ван Ваныч, только на эстраде выступать. И лучше не здесь, а за границей. Чтoб не поняли» — «А я уже **гастролировал**! В сорок пятом! Два ранения имею» (Стл); Так на прошлой неделе журналисту из центра тоже так **заряжали** (заполняли продуктами) холодильник (КН).

К необычным средствам номинации можно отнести также окказиональные образования, которые представляют собой универбальные обозначения, обладающие большей экспрессией, чем соответствующие развернутые словосочетания, например: Газировку без сиропа пьет, чтобы дешевле. А тут, гляди, два червонца **отслюнил** (Стл). Опорная развернутая номинация — отсчитать, перебирая купюры пальцами, смоченными слюной.

Пожалуй, наиболее типичным проявлением языковой игры в сфере глагольной лексики в анализируемых драматургических текстах можно считать приемы метонимической конкретизации и ме-

тонимической генерализации, которые авторы «Русской разговорной речи» определяют как разновидности общего приема «контраста наименования и денотата»⁷. Этот прием реализуется в двух вариантах, и оба они представлены в глагольном словоупотреблении. Во-первых, это такие случаи, когда для сообщения о каком-либо сложном действии, имеющем социально-обобщенный характер, используется глагол, обозначающий только одно конкретное действие, представляющее собой лишь деталь в рамках сложного. Например: Я на вашей свадьбе все **пятки отстукаю** (Стл). Речь идет о возможном бракосочетании, которое предполагает свадьбу с плясками, пляски (для уральцев) всегда включают движения, сопровождающиеся постукиванием каблуками. В приведенной фразе, таким образом, использован прием метонимической конкретизации.

Во-вторых, в текстах Г. Бокарева чрезвычайно широко представлено употребление средств книжной речи, имеющих обобщенную семантику, для сообщения о действиях вполне конкретных. В таких случаях мы имеем дело с приемом метонимической генерализации. Игровой эффект в одних случаях достигается прежде всего за счет «иностильности» языкового средства и не имеет установок на оценочность, например: Ты погоди, Витя. Не горячись. Давай лучше мирно **сосуществовать и углублять взаимопонимание** (Стл); Ну, пошли **парадный вид принимать** (переодеваться; Стл); Займитесь-ка именинником. А мы с Лешей другие **вопросы будем решать. Организационные**. (Речь идет о подготовке праздничного стола; Стл); Вот это разговор! Так сказать, с классовых позиций. Может, **перенесем прения** за проходную? Там условия больше располагают. (Речь идет о возможной драке; Исп.).

В других случаях глаголы или целые высказывания, имеющие книжную стилистическую маркированность, выполняют коннотативно-оценочную функцию, за ними стоит и явно ощущается отношение говорящего к собеседнику или предмету речи, ср.: Скоро у вас не работа будет, а чистый мармелад! Сиди и **покуривай**. Просто так сиди. И **созерцай** вселенную. Вы бы на пульт еще **картиночку** привесли. Дамочку какую-нибудь. Чтоб **созерцнуть** было чего (Исп.); Он этот кабелек хорошо запомнит. Мимо всех других теперь на цыпочках **путешествовать** будет (Исп.); Спокойно: несчастный случай не состоялся... Электролит **рвануло?** (Собеседник кивает головой). **Простые советские люди повсюду творят чудеса**. (По поводу небольшой аварии, которая произошла по вине молодых, неопытных специалистов; Исп.).

Встречаются и такие фрагменты драматургического текста, где два указанных типа метонимии (конкретизация и генерализация) совмещаются, чередуясь друг с другом, включая попутно элементы каламбурного характера, например: «У меня просто нет слов!» — «Поищите их во дворе, пожалуйста. И заодно помогите вашему товарищу перенести багаж»; «Я нашел слова, за которыми вы ме-

ня командировали! Разрешите огласить?» — «Огласите лучше, много ли еще багажа осталось» (Исп.).

Особо выделим приемы перифраз, в которых наблюдается метонимическое или метафорическое использование не отдельных слов, а целых выражений, структурно совпадающих с предложением. В тех случаях, где осуществляется метонимическое перифразирование, игровой эффект заключается в самой необычности использованных средств без ярко выраженной коннотации или модальности, коль скоро речь идет о единицах типа предложения, например: Он нам грубит, Коля. Он не понимает, что за бюллетень не всем 100 % платят (Стл.). (Имеется в виду возможность драки и то, что больничный лист, выданный из-за увечий, полученных в драке, не оплачивается). Еще пример: Поглядишь на тебя — вроде молодой. Тридцати нет. А по всему другому — мемуары сочинять пора (Стл.).

Перифразы, построенные по принципу метафоры, характеризуются не только ярко выраженной семантической двуплановостью, но и присутствием оценочной модальности, например: Ты как в свою науку пришел? Своими ногами? Или папа с мамой сослали? (Исп.); Вот придет время, начнут наш цех ломать. Так они же на его костях вприсядку спяшут (Стл.).

Даже такой беглый обзор материала, который мы могли представить в рамках статьи, свидетельствует о том, что в пьесах Г. Бокарева одним из сильных средств имитации разговорной речи, придания репликам персонажей живости и образности являются разнообразные приемы языковой игры, которыми драматург пользуется широко и умело.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 173—174.

² Там же. С. 172—213.

³ Источниками материалов послужили тексты трех пьес Г. Бокарева: «Сталевары», «Испытание», «Конец недели» (в тексте — Стл, Исп., КН). См.: Бокарев Г. Конец недели: Пьесы и киноповести. Свердловск, 1984.

⁴ Винокур Т. Г. О языке современной драматургии // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Проза. М., 1977. С. 139.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. С. 175.

⁷ Там же. С. 200.